

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2016 – 2017 учебный год
Заключительный этап**

**Первый тур
9 класс**

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

**Михаил Булгаков
(1891–1940)**

Псалом

Первоначально кажется, что это крыса царапается в дверь. Но слышен очень вежливый человеческий голос:

– Можно войти?

– Можно, пожалуйста.

Поют дверные петли.

– Иди и садись на диван.

(От двери). – А как я по паркету пойду?

– А ты тихонечко иди и не катайся. Ну-с, что новенького?

– Нициво.

– Позвольте, а кто сегодня утром ревел в коридоре?

(Тягостная пауза). – Я ревел.

– Почему?

– Меня мать наслёпала.

– За что?

(Напряжённая пауза). – Я Сурке ухо укусил.

– Однако.

– Мама говорит, Сурка – негодяй. Он дразнит меня, копейки поотнимал.

– Всё равно, таких декретов нет, чтоб ~~из~~-из-за копеек уши людям кусать. Ты, выходит, глупый мальчик.

(Обида). – Я с тобой не возусь.

– И не надо.

(Пауза). – Папа придет, я ему скажу. (Пауза). – Он тебя застрелит.

– Ах, так! Ну, тогда я чай не буду делать. К чему? Раз меня застрелят...

– Нет, ты чай делай.

– А ты выпьешь со мной?

– С конфетами? Да?

– Непременно.

– Я выпью.

На корточках два человеческих тела – большое и маленькое. Музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джером Джерома.

– Стихи-то ты, наверно, забыл?

– Нет, не забыл.

– Ну, читай.

– Ку...Куплю я себе туфли...

– К фраку.

– К фраку, и буду петь по ночам...

– Псалом.

– Псалом... и заведу... себе собаку...

– Ни...

– Ни-ци-во-о...

– Как-нибудь проживём.

– Нибудь как. Пра-зи-вё-ем.
– Вот именно. Чай закипит, выпьем, проживём.
(Глубокий вздох). – Пра-зи-вё-ем.
Звон. Джером. Пар. Конус. Лоснится паркет.
– Ты одинокий.
Джером падает на паркет. Страница угасает.
(Пауза). – Это кто же тебе говорил?
(Безмятежная пауза). – Мама.
– Когда?
– Тебе пуговицу когда присивала. Присивала. Присывает, присывает и говорит Натаске...
– Тэк-с. Погоди, погоди, не вертись, а то я тебя обварю... Ух!..
– Горячий, ух!
– Конфету какую хочешь, такую и бери.
– Вот я эту больсую хоцу.
– Подуй, подуй и ногами не болтай.
(Женский голос за сценой). – Славка!
Стучит дверь. Петли поют приятно.
– Опять он у вас. Славка, иди домой!
– Нет, нет, мы с ним чай пьём.
– Он же недавно пил. (Тихая откровенность). – Я ...не пил.
– Вера Ивановна. Идите чай пить.
– Спасибо, я недавно...
– Идите, идите, я вас не пущу...
– Руки мокрые...бельё я вешаю...
(Непрошенный заступник). – Не смей мою маму тянуть.
– Ну, хорошо, не буду тянуть... Вера Ивановна, садитесь...
– Погодите, я бельё повешу, тогда приду.
– Великолепно. Я не буду тушить керосинку.
– А ты, Славка, выпьешь, иди к себе. Спать. Он вам мешает.
– Я не месаю. Я не салю.
Петли поют неприятно. Конусы в разные стороны. Чайник безмолвен.
– Ты уже спать хочешь?
– Нет, я не хоцу. Ты мне сказку Расскажи.
– А у тебя уже глаза маленькие.
– Нет. Не маленькие, Расскажи.
– Ну, иди сюда, ко мне. Голову клади. Так. Сказку? Какую же тебе сказку рассказать? А?
– Про мальчика, про того...
– Про мальчика? Это, брат, трудная сказка. Ну, для тебя, так и быть. Ну-с, так вот, жил, стало быть, на свете мальчик. Да-с. Маленький, лет так приблизительно четырёх. В Москве. С мамой. И звали этого мальчика Славка.
– Угу... Как меня?
– Довольно красивый, но был он, к величайшему сожалению, – драчун. И дрался он чем ни попало – кулаками, и ногами, и даже калошами. А однажды на лестнице девочку из 8-го номера, славная такая девочка, тихая, красавица, а он её по морде книжкой ударил.
– Она сама дерётся...
– Погоди. Это не о тебе речь идёт.
– Другой Славка?
– Совершенно другой. На чем, бишь, я остановился? Да... Ну, натурально, пороли этого Славку каждый день, потому что нельзя же, в самом деле, драки позволять. А Славка всё-таки не унимался. И дошло дело до того, что в один прекрасный день Славка поссорился с Шуркой, тоже мальчик такой был, и, недолго думая, хватя его зубами за ухо, и пол-уха – как не бывало. Гвалт тут поднялся, Шурка орёт, Славку порют, он тоже орёт... Кой-как приклеили Шуркино

ухо синдетиконом, Славку, конечно, в угол поставили... И вдруг – звонок... И является совершенно неизвестный господин с огромной рыжей бородой и в синих очках и спрашивает басом: «А позвольте узнать, кто здесь будет Славка?» Славка отвечает: «Это я Славка». – «Ну, вот что, – говорит, – Славка, я – надзиратель над всеми драчунами, и придется мне тебя, уважаемый Славка, удалить из Москвы. В Туркестан». Видит Славка, дело плохо, и чистосердечно раскаялся. «Признаюсь, – говорит, – что дрался, я и на лестнице играл в копейки, и маме бессовестно наврал – сказал, что не играл... Но больше этого не будет, потому что я начинаю новую жизнь». – «Ну, – говорит надзиратель, – это другое дело. Тогда тебе следует награда за чистосердечное твое раскаяние». И немедленно повёл Славку в наградной раздаточный склад. И видит Славка, что там видимо-невидимо разных вещей. Тут и воздушные шары, и автомобили, и аэропланы, и полосатые мячики, и велосипеды, и барабаны. И говорит надзиратель: «Выбирай, что твоя душа хочет». А вот что Славка выбрал, я и забыл...

(Сладкий, сонный бас). – Велосипед!..

– Да, да, вспомнил – велосипед. И сел немедленно Славка на велосипед и покатил прямо на Кузнецкий мост. Катит и в рожок трубит, а публика стоит на тротуаре, удивляется: «Ну и замечательный же человек этот Славка. И как он под автомобиль не попадёт?» А Славка сигналы даёт и кричит извозчикам: «Право держи!» Извозчики летят, машины летят, Славка нажаривает, и идут солдаты и марш играют, так что в ушах звенит...

– Уже?..

Петли поют. Коридор. Дверь. Белые руки, обнажённые по локоть.

– Боже мой. Давайте, я его раздену.

– Приходите же. Я жду.

– Поздно...

– Нет, нет...И слышать не хочу...

– Ну хорошо.

Конусы света. Начинает звенеть. Выше фитили. Джером не нужен – лежит на полу. В слюдяном окне керосинки – маленький радостный ад. Буду петь по ночам псалом. Как-нибудь проживём. Да, я одинокий. Псалом печален. Я не умею жить. Мучительнее всего в жизни – пуговицы. Они отваливаются, как будто отгнивают. Отлетела на жилете вчера одна. Сегодня одна на пиджаке и одна на брюках сзади. Я не умею жить с пуговицами, но я всё вижу и всё понимаю. Он не приедет. Он меня не застрелит. Она говорила тогда в коридоре Наташке: «Скоро вернётся муж, и мы уедем в Петербург». Ничего он не вернётся. Он не вернётся, поверьте мне. Семь месяцев его нет, и три раза я видел случайно, как она плачет. Слёзы, знаете ли, не скроешь. Но только он очень много потерял от того, что бросил эти белые, тёплые руки. Это его дело, но я не понимаю, как же он мог Славку забыть.

Как радостно спели петли.

Конусов нет. В слюдяном окошке – чёрная мгла. Давно замолк чайник. Свет лампы тысячью маленьких глазков глядит сквозь реденький сатинет.

– Пальцы у вас замечательные. Вам бы пианисткой быть.

– Вот поеду в Петербург, опять буду играть.

– Вы не поедете в Петербург... У Славки на шее такие же завитки, как и у вас... А у меня тоска, знаете ли. Скучно так, чрезвычайно как-то. Жить невозможно. Кругом пуговицы, пуговицы, пуго...

– Не целуйте меня... не целуйте... мне нужно уходить... Поздно...

– Вы не уйдёте. Вы там начнете плакать. У вас есть эта привычка.

– Неправда. Я не плачу. Кто вам сказал?

– Я сам знаю. Я сам вижу. Вы будете плакать, а у меня тоска... тоска...

– Что я делаю... что вы делаете...

Конусов нет. Не светит лампа сквозь реденький сатинет. Мгла. Мгла.

Пуговиц нет. Я куплю Славке велосипед. Не куплю себе туфли к фракку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как-нибудь проживём.

Синие гусары

1

Раненым медведем
мороз дерёт.
Санки по Фонтанке
летят вперёд.
Полоз остёр –
полосатит снег.
Чьи это там
голоса и смех?
– Руку на сердце
своё положи,
я тебе скажу:
– Ты не тронь палаша!
Силе такой
становись поперёк,
ты б хоть других –
не себя – поберёг!

2

Белыми копытами
лёд колотя,
тени по Литейному
дальше летят.
– Я тебе отвечу,
друг дорогой,
Гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу – сердце
моё влюблено.

3

Розовые губы,
витой чубук,
синие гусары –
пытай судьбу!
Вот они, не сгинув,
не умирав,
снова

собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока,
ну-ка, запеньте-ка
полный бокал!
Нальём и осушим
и станем трезвей:
– За Южное братство,
за юных друзей.

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются
строфы «Цыган».
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа,
гони коней,
утро вечера
мудреней.

5

Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?
Голову на руки
белые свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!
1926

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2016 – 2017 учебный год
Заключительный этап**

**Первый тур
10 класс**

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

**Фазиль Искандер
(1929—2016)**

Гигант

В детстве к нам летом приезжала тренироваться баскетбольная команда из Ленинграда. Она играла с нашей местной командой на баскетбольной площадке, расположенной рядом с нашим домом во дворе грузинской школы.

Я с ребятами нашей улицы часто любовался их игрой. Мне было лет десять. В ленинградской команде выделялся один баскетболист невероятного роста. Другие баскетболисты рядом с ним казались малорослыми. Такого гиганта я никогда не видел. В сущности мы приходили любоваться им. В его удлинённом лице было что-то лошадиное: чёрная чёлка, огромные косящие глаза, большие пухлые губы.

Если он с мячом оказывался у баскетбольной корзины противника, то, только вытянувшись, даже не подпрыгнув, забрасывал мяч в корзину, вернее сказать, закладывал. Но он даже издали точнее всех попадал в баскетбольную корзину. Казалось, своим гигантским ростом он укорачивал расстояние до неё. Когда он забрасывал мяч издали, лицо его принимало звероватое выражение. Звали его дядя Юра.

Может быть, мне это кажется, но из всех наших ребят, собиравшихся там, он теплее всего относился ко мне. То ли дело в том, что я восторженнее других любовался им, то ли в том, что во время перерыва я им всем часто читал вслух гангстерские рассказы из журнала «Вокруг света». Так я начинал свою просветительскую деятельность. Рассказы принадлежали американским авторам, тем убедительней они казались. Мне представлялось, что Америка – страна, где много машин, много негров и много гангстеров. Сейчас я думаю, что эти рассказы печатались в таком изобилии из пропагандистских соображений. Вот, мол, какая жизнь в Америке. Но тогда это мне в голову не приходило.

Одним словом, я был в восторге от этого гиганта. Но я мучительно замечал и другое. Иногда я его видел в городе, и довольно часто за ним увязывались пацаны, поражённые его ростом, и выкрикивали что-то насмешливое. Обычно он сдерживался, но временами это ему надоедало. Он оборачивался на них с выражением затравленности на лице и так яростно отмахивался от них рукой, что пацаны рассыпались и умолкали.

Он часто брал меня с собой на море, и я по дороге наблюдал подобные сцены. Но порой даже взрослые, увидев его, останавливались и глазели на него. Я знал, что это ему неприятно, но ничего не мог сделать.

Однажды один взрослый мужчина, остановившись, долго смотрел на него, а потом, когда мы прошли, громко сказал.

– Сколько хлеба съедает один такой человек в день!

Мне показалось, что ничего пошлее я никогда в жизни не слышал, хотя, может быть, этого слова тогда и не знал. Взглянув на дядю Юру, я не понял по выражению его лица, слышал он эти слова или нет. Со вздохом облегчения я решил, что он их не расслышал.

Только однажды он явно не рассердился. Наш мороженщик, весёлый балагур Сулико, неожиданно выскочил из-за угла и, внезапно увидев дядю Юру, остановил свой гремющий на колесах голубой ящик с мороженым.

– Эй, великан, – крикнул он, – ты с какой планеты?

– Тебе там не бывать, – ответил дядя Юра.

Мы шли на море.

- Что ты о нас расскажешь, когда вернешься к своим? – не унимался Сулико.
– Я скажу, что у Сулико самое плохое мороженое в мире, – ответил дядя Юра.
– Но у нас с сахаром трудности, – не растерялся Сулико, – тогда и это скажи!

Дядя Юра не ответил. Сулико загремел дальше. Возможно, они уже встречались, и дядя Юра покупал у него мороженое.

Иногда я его встречал в городе с ребятами из его команды. Обычно они были с девушками, но я ревниво замечал, что одной девушки, а именно его девушки не хватало среди них. Я горестно догадывался, что девушек отпугивает его невероятный рост.

Когда баскетболисты отдыхали, лёжа на траве, он иногда перекидывался с ними шутками, но почти никогда не принимал участия в общем разговоре. Он лежал или сидел, грустно покусывая травинку. Однажды, когда они так отдыхали, на баскетбольной площадке появился известный в городе бандит.

– Вор в законе, вор в законе, – уважительно зашептали наши баскетболисты, давая знать ленинградцам, что к ним пожаловал знатный гость.

Это был человек среднего роста, очень плотный, из-под рубахи у него виднелась матросская тельняшка.

Все вскочили, кроме дяди Юры, который продолжал сидеть, обхватив колени руками. Сердце у меня сжалось от предчувствия беды.

– Здорово, ребята! – сказал бандит, подойдя к баскетболистам. Он со всеми щедро поздоровался за руку, давая знать, что он, несмотря на своё высокое положение, не зазнался.

Здороваясь со всеми, он кинул на сидящего дядю Юру несколько суровых взглядов. Он как бы ждал, что дядя Юра догадается встать, но дядя Юра не вставал.

Тогда он подошёл к нему и спросил:

- Так и будем сидеть?
– Так и будем, – спокойно ответил дядя Юра.
– Не уважаешь?
– Я не могу уважать человека, которого первый раз вижу.

Лицо бандита мгновенно преобразилось выражением дикого бешенства.

– Сейчас уважаешь, сука! – прошипел он и, внезапно побледнев, вырвал из внутреннего кармана пиджака финский нож. Все замерли в ужасе. Позже я понял, что в дар уголовного вора входит это умение быстро завести себя до состояния всепоглощающего бешенства.

– Вставай, сука! – крикнул он и взмахнул ножом.

И тут случилось совершенно неожиданное.

Дядя Юра, продолжая сидеть, внезапно выбросил правую ногу вперед, подскочив к ноге бандита, и тот рухнул, выронив нож. Дядя Юра, продолжая сидеть, потянулся за ножом, поднял его и осторожно, чтобы не разрезать пальцы, двумя руками сломал его, легко, как карандаш. Отбросил обломки.

Бандит вскочил. Лицо его было искажено чудовищной злобой. Дядя Юра спокойно продолжал сидеть. И кажется, именно этим спокойствием он сломил его.

- Ты у меня долго не проживёшь! – крикнул бандит и стал быстро удаляться.
– А я никому не обещал долго жить, – вслед ему сказал дядя Юра.

Сколько раз позже я вспоминал эти его слова, сколько раз! Но тогда мне было не до них, я ликовал всей душой! Вот это человек!

Тут загалдели все разом, особенно местные баскетболисты, всячески укоряя дядю Юру за то, что он вовремя не встал и теперь жизнь его в опасности.

– Против огнестрельного оружия я ничего не могу сделать, – сказал дядя Юра, – а нож в следующий раз отниму и воткну ему в задницу.

Тут один из мальчиков с нашей улицы вскочил и цапнул обломки ножа с криком: «Чур, мои!»

Прошло несколько дней. Бандит не показывался и ничего не предпринимал. Мы успокоились.

Я продолжал ходить с дядей Юрой на море. Как легко, как радостно было вышагивать рядом с ним. Хулиганы, злые бродячие собаки – всё, всё казалось мелочью, ерундой рядом с ним!

Дядя Юра больше всего любил море. Может быть, огромность моря делала естественной его собственную огромность. Он подолгу сидел на диком пляже, а иногда далеко, далеко заплывал. Он прекрасно плавал всеми стилями. Когда он плыл кролем на спине, лицо его приобретало выражение блаженства. И в этом было что-то трогательное и смешное. Лицо его было такое, как будто он сам не имеет никакого отношения к работе собственных рук и ног.

Однажды, когда мы с ним сидели у воды, какая-то девушка пришла купаться. Она разделась в десяти шагах от нас и осталась в голубом купальнике. Наверное, она чем-то понравилась дяде Юре, потому что он несколько раз бросал на неё любопытные взгляды. Девушка вынула из сумочки какие-то бумажки и стала перелистывать их, видимо, стараясь найти нужную. Вдруг налетевший ветер сдунул с её руки одну бумажку, и она, делая в воздухе дикие зигзаги, полетела в нашу сторону и рядом с нами внезапно повернула к морю. Дядя Юра неожиданно выбросил свою длинную руку вперёд и поймал бумажку. Девушка всё это время следила за летящей бумажкой, и, когда дядя Юра её схватил, лицо девушки вдруг вспыхнуло, и тут я понял, что она в самом деле красивая. Она подбежала к дяде Юре, и он передал ей эту бумажку. Оказалось, что это билет на Москву.

– Спасибо, спасибо, – сказала девушка задыхающимся голосом, и лицо её сияло благодарным светом, и навстречу ей светилось лицо дяди Юры. Никогда лицо дяди Юры так не светилось! Я понял, что они понравились друг другу. Девушка не спускала с него глаз, она глядела на него с благодарной нежностью. Даже меня обдала волна их счастья.

– Будем знакомы, – сказала она и протянула руку. Всё ещё сидя, дядя Юра взял её руку и начал подниматься. Он медленно поднимался, как бы давая ей привыкать к своему росту. Через секунду громадный дядя Юра стоял рядом с тоненькой девушкой, продолжая держать её руку в своей руке. И вдруг я увидел, что сияющее лицо девушки стало тускнеть и тускнеть. Казалось, она смущённо прячет свой испуг. Лицо дяди Юры помертвело, и он отпустил руку девушки. Она повернулась и пошла к своей одежде.

«Он хороший, хороший, дура!» – хотелось крикнуть ей вслед. Дядя Юра молча вошёл в воду. Он поплыл яростным кролем. Вода бурлила за ним, как за моторной лодкой. На этот раз он особенно далеко заплыл. Когда он вернулся, девушки уже не было на берегу. Сейчас я думаю, что тогда я увидел самый ослепительный и самый короткий любовный роман в жизни. Он длился около одной минуты и кончился крахом.

Мы с ним продолжали ходить на море. Иногда на обратном пути мы в одном и том же киоске пили газированную воду. Продавец с большим любопытством присматривался к дяде Юре и однажды не выдержал:

– Извини, друг, но я интерес имею – ты пошёл в отца или в мать?

– В тётку, – довольно спокойно ответил дядя Юра и поставил опустевший стакан на стойку. Мы пошли.

– Как в тётку? – раздался за нами недоумённый голос продавца. Дядя Юра промолчал, а я почувствовал ужасную неловкость, отчасти и за глупость земляка.

баскетбольной площадкой граничил сад какого-то частника. Сад был огорожен колючей проволокой. По ту сторону проволоки росла мушмула. Одна её ветка, усеянная жёлтыми, уже усыхающими плодами, тянулась в сторону школьного двора. Но ветка росла слишком высоко, дотянуться до неё мог только дядя Юра. Я его однажды попросил об этом. Даже он с трудом дотянулся до ветки и так её согнул, что звездочки мушмулы запрыгали возле моих глаз. Я так любил тогда мушмулу! Я стал поспешно срывать и отправлять в рот её плоды. Дядя Юра тоже осторожно отправил в рот мушмулу.

Видно, он её никогда не пробовал. Может, с непривычки она ему не понравилась.

– Затейливый вкус, – сказал он и сплюнул косточку. Теперь он продолжал держать ветку только для меня.

– Дядя Юра, вы любите баскет? – почему-то спросил я у него. Вероятно, это было выражением тайной благодарности за то, что он с некоторым напряжением продолжал держать ветку только для меня.

– Ненавижу, – вдруг сказал он. Я замер от удивления.

– Так зачем же вы играете?

– Ты этого не поймёшь, – ответил он задумчиво. – Баскетбол – единственное место, где я чувствую себя человеком.

Мне стало грустно, а обглоданная ветка радостно взлетела вверх. На следующий год ленинградские баскетболисты снова приехали и тренировались на той же площадке. Но дяди Юры с ними не было.

– А где же дядя Юра? – спросил я у одного из них.

– Юра умер, – вздохнул он, – говорят, какая-то болезнь. Но, по-моему, от тоски.

Что-то обрушилось внутри меня, и в ту же секунду я почему-то подумал, что другие этого не должны заметить, это стыдно.

Через несколько минут я тихо встал и ушел домой.

С тех пор никогда в жизни я не интересовался баскетболом.

Опубликовано в 2000 г.

**Георгий Иванов
(1894—1958)**

Глядит печаль огромными глазами
На золото осенних тополей,
На первый треугольник журавлей,
И взмахивает слабыми крылами.
Малиновка моя, не улетай,
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?

Трубит рожок, и почтальон румяный,
Вскочив в повозку, говорит: «Прощай»,
А на террасе разливают чай
В большие неуклюжие стаканы.
И вот струю крутого кипятка
Последний луч позолотил слегка.

Я разленился. Я могу часами
Следить за перелётом ветерка
И проплывающие облака
Воображать большими парусами.
Скользит галера. Золотой грифон
Колеблется, на запад устремлён...

А школьница любовь твердит прилежно
Урок. Увы – лишь в повтореньи он!
Но в этот час, когда со всех сторон
Осенние листья шуршат так нежно
И встреча с вами дальше, чем Китай,
О грусть влюблённая, не улетай!

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2016 – 2017 учебный год
Заключительный этап**

**Первый тур
11 класс**

**Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)
Варлам Шаламов
(1907—1982)**

За письмом

Полупьяный радист распахнул мои двери.

– Тебе ксива из управления, зайди в мою хавиру. – И исчез в снегу во мгле.

Я отодвинул от печки тушки зайцев, привезённых мной из поездки, – на зайцев был урожай, едва успевай ставить петли, и крыша барака была застлана наполовину тушками зайцев, замороженными тушками... Продать их было рабочим некуда, так что подарок – десять заячьих тел – не был слишком дорогим, требующим отплаты, оплаты. Но зайцев надо было сначала оттаять. Теперь мне было не до зайцев.

Ксива из управления – телеграмма, радиограмма, телефонограмма на моё имя – первая телеграмма за пятнадцать лет. Оглушительная, тревожная, как в деревне, где любая телеграмма трагична, связана со смертью. Вызов на освобождение – нет, с освобождением не торопятся, да я и освобождён давно. Я пошел к радисту в его укрепленный замок, станцию с бойницами и тройным палисадом, с тройными калитками за шеколдами, замками, которые открыла передо мной жена радиста, и протискивался сквозь двери, приближаясь к жилищу хозяина. Последняя дверь, и я шагнул в грохот крыльев, в вонь птичьего помёта и продирался сквозь кур, хлопающих крыльями, поющих петухов, сгибаясь, оберегая лицо, я шагнул ещё через один порог, но и там не было радиста. Там были только свиньи, вымытые, ухоженные, три кабанчика поменьше и матка побольше. И это была последняя преграда.

Радист сидел, окружённый ящиками с огуречной рассадой, ящиками с зелёным луком. Радист впрямь собрался быть миллионером. На Колыме обогащаются и так. Длинный рубль – высокая ставка, полярный паёк, начисление процентов – это один путь. Торговля махоркой и чаем – второй. Куроводство и свиноводство – третий.

Притиснутый всей своей фауной и флорой к самому краю стола, радист протянул мне стопку бумажек – все были одинаковыми, – как попугай, который должен был вытащить моё счастье.

Я порылся в телеграммах, но ничего не понял, своей не нашёл, и радист снисходительно кончиками пальцев достал мою телеграмму...

«Приезжайте письмом», то есть приезжайте за письмом, – почтовая связь сэкономила смысл, но адресат, конечно, понял, о чём речь.

Я пошёл к начальнику района и показал телеграмму.

– Сколько километров?

– Пятьсот.

– Ну, что же...

– В пять суток обернусь.

– Добре. Да торопись. Машину ждать не надо. Завтра якуты подбросят тебя на собаках до Барагона. А там оленьи упряжки почтовые прихватят, если не поспешишься. Главное тебе – добраться до центральной трассы.

– Хорошо, спасибо.

Я вышел от начальника и понял, что я не доберусь до этой проклятой трассы, даже до Барагона не доберусь, потому что у меня нет полушубка. Я колымчанин без полушубка. Я был сам виноват. Год назад, когда я освободился из лагеря, кладовщик Сергей Иванович Коротков подарил мне почти новый белый полушубок. Подарил и большую подушку. Но, пытаясь

расстаться с больницами, уехать на материк, я продал и полушубок и подушку – просто чтобы не было лишних вещей, которым конец один: их украдут или отберут блатные. Так поступил я в прошлом. Уехать мне не удалось – отдел кадров совместно с магаданским МВД не дал мне выезда, и я, когда деньги вышли, вынужден был поступить снова на службу в Дальстрой. И поступил, и уехал туда, где радист и летающие куры, но полушубка не успел купить. Попросить на пять дней у кого-либо – над такой просьбой на Колыме будут смеяться. Оставалось купить свой полушубок в посёлке.

Верно, нашёлся и полушубок и продавец. Только полушубок, чёрный, с роскошным овчинным воротником, был более похож на телогрейку – в нём не было карманов, не было пол, только воротник, широкие рукава.

– Что ты, отрезал полы, что ли? – спросил я у продавца, надзирателя лагерного Иванова. Иванов был холост, мрачен. Полы он отрезал на рукавицы-краги, модные, – пар пять таких краг вышло из пол полушубка, и каждая пара стоила целого полушубка. То, что осталось, не могло, конечно, называться полушубком.

– А тебе не всё равно? Я продаю полушубок. За пятьсот рублей. Ты его покупаешь. Это лишний вопрос – отрезал я полы или нет.

И верно, вопрос был лишний, и я поторопился заплатить Иванову и принёс домой полушубок, примерил и стал ждать.

Собачья упряжка, быстрый взгляд чёрных глаз якута, онемевшие пальцы, которыми я вцепился в нарты, полёт и поворот – речка какая-то, лёд, кусты, бьющие по лицу больно. Но у меня всё завязано, всё укреплено. Десять минут полёта, и почтовый посёлок, где...

– Марья Антоновна, меня не подбросят?

– Подбросят.

Здесь ещё в прошлом году, прошлым летом заблудился маленький якутский мальчик, пятилетний ребенок, и я и Марья Антоновна пытались начать розыски ребёнка. Помешала мать. Она курила трубку, долго курила, потом чёрные свои глаза навела на нас с Марьей Антоновной.

– Не надо искать. Он придёт сам. Не заблудится. Это его земля.

А вот и олени – бубенцы, нарты, палка у каюра. Только эта палка называется хореем, а не остолом, как для собак.

Марья Антоновна, которой так скучно, что она каждого проезжего провожает далеко – за околицу таёжную – что называется околицей в тайге.

– Прощайте, Марья Антоновна.

Я бегу рядом с нартами, но больше сажусь, присаживаюсь, цепляюсь за нарты, падаю, снова бегу. К вечеру огни большой трассы, гул ревущих, пробегающих сквозь мглу машин.

Рассчитываюсь с якутами, подхожу к обогревалке – дорожному вокзалу. Печка там не топится – нет дров. Но всё-таки крыша и стены. Здесь уже есть очередь на машину к центру, к Магадану. Очередь невелика – один человек. Гудит машина, человек выбегает во мглу. Гудит машина. Человек уехал. Теперь мне надо выбегать на мороз.

Пятитонка дрожит, едва остановилась ради меня. Место в кабине свободно. Ехать наверху нельзя в такую даль, в такой мороз.

– Куда?

– На Левый берег.

– Не возьму. Я уголь везу в Магадан, а до Левого берега не стоит садиться.

– Я оплачу тебе до Магадана.

– Это другое дело. Садись. Таксу знаешь?

– Да. Рубль километр.

– Деньги вперёд.

Я достал деньги и заплатил.

Машина окунулась в белую мглу, сбавила ход. Нельзя дальше ехать – туман.

– Будем спать, а? На Еврашке.

Что такое еврашка? Еврашка – это суслик, Сусликовая станция. Мы свернулись в кабине при работающем моторе. Пролежали, пока рассвело, и белая зимняя мгла не показалась такой

страшной, как вечером.

– Теперь чифирку подварить – и едем.

Водитель вскипятил в консервной кружке пачку чая, остудил в снегу, выпил. Ещё вскипятил, вторячок, снова выпил и спрятал кружку.

– Едем! А ты откуда?

Я сказал.

– Бывал у вас. Даже работал в вашем районе шофером. В вашем лагере негодяй есть – Иванов, надзиратель. Тулуп у меня украл. Попросил доехать – холодно было в прошлом году, – и с концами. Никаких следов. И не отдал. Я через людей передавал. Он говорит: не брал, и всё. Собираюсь всё сам туда, отнимать тулуп. Чёрный такой, богатый. Зачем ему тулуп? Разве порежет на краги и распродаст. Самая мода сейчас. Я бы сам мог эти краги пошить, а теперь ни краг, ни тулупа, ни Иванова.

Я повернулся, сминая воротник своего полушубка.

– Вот такой чёрный, как у тебя. Сука. Ну, спали, надо прибавить газку.

Машина полетела, гудя, ревя на поворотах, – водитель был приведён в норму чифирём.

Километр за километром, мост за мостом, прииск за прииском. Уже рассвело. Машины обгоняли друг друга, встречались. Внезапно всё затрещало, рухнуло, и машина остановилась, причаливая к обочине.

– Всё – к черту! – плясал водитель. – Уголь – к черту! Кабина – к черту! Борт – к черту! Пять тонн угля – к черту!

Сам он даже не был поцарапан, а я и не понял, что случилось.

Нашу машину сбила чехословацкая «татра», встречная. На её железном борту и царапины не осталось. Водители притормозили машину и вылезли.

– Подсчитай быстро, – кричал водитель «татры», – что стоит твой ущерб, уголь там, новый борт. Мы заплатим. Только без акта, понял?

– Хорошо, – сказал мой водитель. – Это будет...

– Ладно.

– А я?

– Я посажу тебя на попутку какую-нибудь. Тут километров сорок, довезут. Сделай мне одолжение. Сорок километров – это час езды.

Я согласился, сел в кузов какой-то машины и помахал рукой приятелю надзирателя Иванова.

Я ещё не успел промерзнуть, как машина начала тормозить – мост. Левый берег. Я слез.

Надо найти место ночевать. Там, где было письмо, ночевать мне было нельзя.

Я вошёл в больницу, в которой я когда-то работал. Но в лагерной больнице греться посторонним нельзя, и я только на минуту постоять в тепле зашёл. Шёл знакомый вольный фельдшер, и я попросил ночлега.

На следующий день я постучал в квартиру, вошёл, и мне подали в руки письмо, написанное почерком мне хорошо известным, стремительным, летящим и в то же время чётким, разборчивым.

Это было письмо Пастернака.

Стихи о соловье и поэте

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет,
На Трубную выйдешь – и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...

Куда как приятны прогулки весной:
Бредёшь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое – расчищенным вдрызг самоваром.

И птица поёт. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...
Под клеткою солнце кипит на столе –
Меж чашек и острых кусков рафинада...

Любовь к соловьям – специальность моя,
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой – вразброд стукотня,
Кукушкина песня и дробь рассыпная...

Ко мне продавец:
«Покупаете? Вот
Как птица моя на базаре поёт!
Червонец – не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...»

От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звёздами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает!

Нас двое!
Бродяга и ты – соловей,
Глазастая птица, предвестница лета,
С тобою купил я за десять рублей –
Черёмуху, полночь и лирику Фета!

Весеннее солнце дробится в глазах.
По стёклам течёт и в канавы ныряет.
Нас двое.
Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.

Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассолодела. Полдень допет.
Зелёною смушкой покрылся кустарник.
Нас двое...

Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух угарней –
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоёшь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь –
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,
Мы оба – в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет в кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озёра...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...
Греми же в зелёных кустах коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..